

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2023 – 2024 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Юрий Нагибин

(1920 – 1994)

ЖЕНЯ РУМЯНЦЕВА

Вот и кончился последний урок последнего дня нашей школьной жизни! Впереди ещё долгие и трудные экзамены, но уроков у нас больше никогда не будет. Будут лекции, семинары, коллоквиумы — всё такие взрослые слова! — будут вузовские аудитории и лаборатории, но не будет ни классов, ни парт. Десять школьных лет завершились по знакомой хрипловатой трели звонка, что возникает внизу, в недрах учительской, и, наливаясь звуком, подымается с некоторым опозданием к нам на шестой этаж, где расположены десятые классы.

Все мы, растроганные, взволнованные, радостные и о чём-то жалеющие, растерянные и смущённые своим мгновенным превращением из школяров во взрослых людей, которым даже можно жениться, слонялись по классам и коридору, словно страшась выйти из школьных стен в мир, ставший бесконечным. И было такое чувство, будто что-то не договорено, не дожито, не исчерпано за прошедшие десять лет, будто этот день застал нас врасплох.

В распахнутые окна изливалась густая небесная синь, грубыми от страсти голосами ворковали голуби на подоконниках, крепко пахло распутившимися деревьями и политым асфальтом.

В класс заглянула Женя Румянцева:

— Серёжа, можно тебя на минутку?

Я вышел в коридор. В этот необычный день и Женя показалась мне не совсем обычной. Одета она была, как всегда, несуразно: короткое, выше колен, платье, из которого она выросла ещё в прошлом году, шерстяная кофточка, не сходящаяся на груди, а под ней белая, с просинью от бесконечных стирок шёлковая блузка, тупоносые детские туфли без каблучков. Казалось, Женя носит вещи младшей сестры. Огромные пепельные волосы Жени были кое-как собраны заколками, шпильками, гребёнками вокруг маленького лица и всё-таки закрывали ей лоб и щёки, и она раздражённо отмахивала их прочь. Новым в ней был

ровный, тонкий румянец, окрасивший её лицо, да живой, близкий блеск больших серых глаз, то серьёзно-деловитых, то рассеянно-невидящих.

— Серёжа, я хотела тебе сказать: давай встретимся через десять лет.

Шутливость совсем не была свойственна Жене, и я спросил серьёзно:

— Зачем?

— Мне интересно, каким ты станешь, — Женья отбросила назойливую прядь. — Ты ведь очень нравился мне все эти годы.

Я думал, что Жене Румянцевой неведомы ни эти слова, ни эти чувства. Вся её жизнь протекала в двух сферах: в напряжённой комсомольской работе — она была нашим комсоргом — и в мечтаниях о звёздных мирах. Я никогда не слышал, чтобы в свободное от деловых забот время Женья говорила о чём-нибудь другом, кроме звёзд, планет, орбит, протуберанцев, космических полётов. Не многие из нас твёрдо определили свой дальнейший жизненный путь, а Женья с шестого класса знала, что будет астрономом и никем другим.

Между нами никогда не было дружеской близости, учились мы в параллельных классах и сталкивались лишь по комсомольской работе. Несколько лет назад меня за один проступок чуть не выгнали из пионерского отряда. Ребята встали за меня горой, и я сохранил красный галстук. Лишь одна Женья, новенькая в нашей школе, до конца настаивала на моём исключении. Это наложило отпечаток на всё моё отношение к ней. Позднее я понял, что Женина беспощадность шла от повышенной требовательности к себе и к людям, а вовсе не от злого сердца. Человек до дна прозрачный, стойкий и верный, она хотела, чтобы и все вокруг были такими. Я не был «рыцарем без страха и упрёка», и сейчас неожиданное её признание удивило и смутило меня. В поисках разгадки я мысленно пробежал прошлое, но ничего не нашел в нём, кроме одной встречи на Чистых прудах...

Однажды мы собрались в выходной день на Химкинское водохранилище — покататься на лодках. Сбор назначили на Чистых прудах, у большой беседки. Но с утра заморосил дождь, и на сборный пункт пришли только мы с Павликом Аршанским, Нина Барышева и Женья Румянцева. Нина пришла потому, что в выходной день не могла усидеть дома, я пришёл из-за Нины, Павлик — из-за меня, а почему пришла Женья, было нам непонятно.

Женья никогда не появлялась на скромных наших пирушках, не ходила с нами в кино, в парк культуры, в «Эрмитаж». Никто не подозревал Женю в ханжестве, просто у неё не хватало времени: она занималась в астрономическом кружке при МГУ и ещё что-то делала в Планетарии. Мы уважали эту Женину устремлённость и не хотели ей мешать.

И вот мы сошлись в большом сквозном павильоне, под этим гигантским деревянным зонтиком посреди бульвара. Дождь то крупно и шумно остёгивал землю, то утончался в почти невидимые и неслышные нити, но не переставал ни на минуту. Серые обложные тучи без единого просвета уходили за крыши домов. Нечего было и думать о Химках. Но Женя настойчиво уговаривала нас ехать. Впервые позволила она себе маленькое отступление от обычного строгого распорядка, и надо же, чтобы так не повезло! На пуговице плюшевой жакетки висел у нее свёрточек с бутербродами. Было что-то очень трогательное в этом свёрточке. Жене, видимо, и в голову не приходило, что можно позавтракать в закусочной, в кафе или даже в ресторане, как мы это делали во время наших походов. Из жалости к этому свёрточку я предложил:

— Давайте покатаемся на пруду. — Я показал на старую, разохшуюся плоскодонку, торчащую носом из-под свай теплушки. — И будем воображать, что мы в Химках.

— Или в Средиземном море, — вставил Павлик.

— Или в Индийском океане! — восторженно подхватила Женя. — Или у берегов Гренландии!..

— А мы не потонем? — спросила Нина. — Это было бы обидно: я приглашена на премьеру во МХАТ.

Вёсел не было, мы выбрали на берегу две дощечки, вычерпали из лодки воду и отправились в кругосветное плавание. Едва ли кому-нибудь из нас, кроме Жени, это доставляло удовольствие. Пока мы с Павликом вяло шлёпали дощечками по воде, Женя придумывала трассу нашего путешествия. Вот мы проходим Босфор, через Суэцкий канал попадаем в Красное море, оттуда в Аравийское, оплываем Большие Зондские острова, Филиппины и входим в Тихий океан.

Запоздалая ребячливость Жени была мила и трогательна, но было в ней вместе и что-то жалкое.

— Смотрите! — говорила Женя, указывая туда, где за глянцевыми от дождя ветвями деревьев уныло темнели мокрые колонны кинотеатра «Колизей». — Вон пальмы, лианы, слоны: нас отнесло к берегам Индии!..

Мы переглядывались. Как это бывает в семнадцать лет, мы защищали свою внутреннюю жизнь, ещё хрупкую, легко ранимую, бронёй нарочитой насмешливости, лёгкого цинизма, и нам непонятно было, как можно так наивно обнаруживать себя.

— Мы приближаемся к страшным Соломоновым островам! — зловецким голосом объявила Женя.

— Правильно! — подтвердил Павлик, самый добрый из нас. — А вон и туземцы-людоеды, — он указал на группу чистопрудных ребят, остановившихся прикурить у ограды водоёма.

— Пушки на борт! — скомандовала Женя. — Приготовить ядра!..

— Женя, очнись, это же колониализм! — сказал я.

— Верно! — улыбнулась Женя, обрадованная, что её выдумки нашли у нас отклик, и в простоте не замечая иронии. — Мы должны прийти к ним как добрые друзья, мы принесём им орудия труда, инструменты, лекарства...

— А вместо Библии — учебник Абрамовича и Головенченко, — добавил Павлик.

Наше скучное плавание сквозь дождь продолжалось. Женя неумоимо командовала «Право руля!», «Лево руля!», «Поднять паруса!», «Убрать паруса!», отыскивала путь по звёздам — наш компас разбился во время бури. Это дало ей возможность угостить нас лекцией по астрономии, из которой я запомнил лишь, что за экватором звёздное небо как бы перевёрнуто. Потом мы потерпели бедствие, и Женя раздала нам «последние галеты» — свои намокшие бутерброды. Мы понуро жевали их, а Женя говорила о том, как ей нравится жизнь Робинзона.

Я промок, устал, занозил руку о щепку-весло, это сделало меня безжалостным, и я сказал, что не знаю более обывательской книги, чем «Робинзон Крузо».

— Вся книга наполнена мелочной заботой о жратве, одежде и утвари. Бесконечные преysкуранты харчей и барахла. Гимн торжествующему быту!..

— А я не знаю ничего более волнующего, чем эти, как ты их назвал, преysкуранты! — говорила Женя со слезами на глазах. — И сколько в книге простора, стихий, мечты...

Наш спор прекратила Нина Барышева. Она вдруг закричала:

— Ура! Впереди берег!..

— Где? Где? — всполошилась Женя.

— Да вон, у теплушки, — будничным голосом сказала Нина. — Всё, приехали! Мальчики, я замёрзла, без чашки кофе не обойтись.

Женя оторопело поглядела на нас, щёки её порозовели.

— А что? — мужественно сказала она. — Кутить так кутить!..

Мы загнали лодку под сваи, выбрались на берег и тут сразу столкнулись со старым моим знакомцем и недругом Ляликом. За последние годы хулиганствующий подросток побывал в тюрьме и в исправительно-трудовой колонии. Он очень окреп, раздался в плечах, глядел исподлобья и строил из себя матёрого бандита. Поравнявшись с нами, Лялик одним плечом толкнул меня, другим — Павлика и грязно выругался. Сейчас, в ореоле своей уголовной славы, он знал, что ничем не рискует. Страх нам внушал не он сам, а его

репутация. Он подавлял нас мрачным величием своей судьбы, мы чувствовали себя рядом с ним жалкими чистоплюями, маменькиными сынками. Куда нам было тягаться с этим отчаянным человеком!..

— Не смей ругаться, хулиган! — крикнула Женя: она не знала, кто такой Лялик.

Лялик молча повернулся и пошёл на нас. Но Женя перехватила его на полдороге. Она нахлобучила ему на нос его старую кепку со сломанным козырьком и сильно толкнула в грудь. Лялик отлетел к огороженному проволокой газону и через проволоку кувыркнулся в траву.

И тут выяснилось, что Лялик просто мальчишка, такой же, как и мы с Павликом, и всему его зловещему виду грош цена.

— Ты чего толкаешься? — пробормотал он жалобно, пытаясь стянуть кепку, налезшую ему на глаза.

А потом мы сидели в летнем кафе под мокрым полосатым тентом, пили горячий чёрный кофе и холодное пиво. Женя выпила бокал пива, заколки и шпильки как-то разом выпали из её огромных, густых волос, она раскраснелась и стала громко обзывать себя кутилой и пропащей душой. Нам было немного стыдно за неё, мы боялись, что подавальщица не даст нам больше пива, потому что Женя никогда ещё не напоминала так девочку-переростка, как в этом кафе, со своими растрёпанными волосами, в платье, всё время задиравшемся на её круглых коленях. И ещё Женя говорила, что ей хотелось бы погибнуть в первом космическом полёте, потому что космосом нельзя овладеть без жертв и лучше погибнуть ей, чем другим, более достойным.

Мы знали, что она говорит искренне, не подозревая о своем душевном превосходстве, и это унижало нас. Мы не были такими даже под воздействием пива, нам нужен был хоть какой-то шанс уцелеть...

Больше Женя не бывала с нами. Мы не раз приглашали её на наши сборища, но она отказывалась за недосугом. Может, у неё и действительно не хватало времени, ей столько нужно было успеть! А что, если в тот единственный раз она пришла из-за меня и из-за меня отступилась, сказав себе с гордой честностью: «Не вышло»...

— Почему же ты раньше молчала, Женя? — спросил я.

— К чему было говорить? Тебе так нравилась Нина!

С ощущением какой-то досадной и грустной утраты я сказал:

— Где же и когда мы встретимся?

— Через десять лет, двадцать девятого мая, в восемь часов вечера, в среднем пролёте между колонн Большого театра.

— А если там нечётное число колонн?

— Там восемь колонн, Серёжа... К тому времени я буду знаменитым астрономом, — добавила она важно, мечтательно и убеждённо. — Если я очень изменюсь, ты узнаешь меня по портретам.

— Что же, к тому времени и я буду знаменитым, — сказал я и осёкся: я совсем не представлял себе, в какой области суждено мне прославиться, и ещё не решил даже, на какой факультет подавать документы. — Во всяком случае, я приеду на собственной машине...

Это было глупо, но я не нашёлся что сказать.

— Вот и хорошо, — засмеялась Женя, — ты покатаешь меня по городу...

Минули годы. Женя училась в Ленинграде, я ничего не слышал о ней. Зимой 1941 года, жадно ловя известия о судьбе моих друзей, я узнал, что Женя в первый же день войны бросила институт и пошла в лётную школу. Летом 1944 года, находясь в госпитале, я услышал по радио указ о присвоении майору авиации Румянцевой звания Героя Советского Союза. Когда я вернулся с войны, то узнал, что звание Героя было присвоено Жене посмертно.

Жизнь шла дальше, порой я вдруг вспоминал о нашем уговоре, а за несколько дней до срока почувствовал такое острое, щемящее беспокойство, будто все прошедшие годы только и готовился к этой встрече.

Я не стал знаменитым, как обещал Жене, но в одном не обманул её: у меня был старенький «оппель», купленный за бесценок на свалке трофейных машин. Я надел новый костюм, оседлал своего бензинового конька и поехал к Большому театру. Если бы я встретил там Женю, я бы сказал ей, что после всех шатаний нашёл всё же свой путь: у меня вышла книга рассказов, сейчас я пишу другую. Это не те книги, которые мне хотелось бы написать, но я верю, что ещё напишу их.

Я поставил машину возле сквера, купил у цветочницы ландыши и пошёл к среднему пролёту между колонн Большого театра. Их в самом деле было восемь. Я постоял там немного, затем отдал ландыши худенькой сероглазой девушке в спортивных тапочках и поехал домой...

Мне хотелось на миг остановить время, оглянуться на себя, на прожитые годы, вспомнить девочку в коротком платье и узкой кофточке, тяжёлую, неповоротливую плоскодонку, дождик, усеявший желтоватую поверхность пруда колючими отростками, взволнованный крик: «Нас отнесло к Индии!», вспомнить слепоту своей юношеской души, так легко прошедшей мимо того, что могло бы стать судьбой.

1961

Григорий Князев

(род. в 1990 г.)

В эту тишь глухонемую,
Что сродни безмолвной рыбе,
В ледяной глуши зимую
У Вселенной на отшибе.
В комнате моей так тихо,
Что закладывает уши,
И дрожит душа-трусиха,
Будто есть смелее души!
Лишь с тяжёлых книжных полок
Говорят Толстой и Чехов,
Лишь вдали ночной посёлок
Отдаётся тихим эхом,
Лишь загадочные лица
Там, под стёртой амальгамой...
Страшно с тишиною слиться,
Невесомой и упрямой,
Стать зимы безликой частью.
Вдруг лишившись дара речи,
Ты проглочен жадной пастью
Ночи, что чернее печи.
Где ж цивилизаций гомон?
Что ни звук — так плотен-слитен!
Мир, что в городах разломан,
На природе монолитен.
Как же страшно, как же мощно!
Всё сильнее во мне тревога.
Если попытаться, можно
Уловить и шёпот Бога...

2023

Примечания:

Амальгама – сплав какого-либо металла (чаще всего серебра) с ртутью.

Используется в изготовлении зеркал.